

Записки подростка

Часть первая. Как я познакомился с учебными ошибками

*Я обычный подросток. А это самая обычная
(ладно...немного необычная) история,
которая могла произойти в любом городе
и в любой больнице*

— Смольников! Я тебя вызвала.

Да...а я и забыл совсем, что сейчас урок литературы. И почему Марина Дмитриевна вызвала именно меня? Ее мерзкий голос, этот сухой голос 60-летней старушки, как гром среди ясного неба, ворвался в мои мысли и разом нарушил их.

— Ах...что. Да...Марина Дмитриевна.

— Ну-с...ты можешь сказать, почему Раскольников убил Лизавету?

Почему?..Эээх. Почему же Раскольников убил Лизу, эту неуклюжую, робкую, ни в чем не повинную девушку, которая была в полном рабстве у своей сестры. Зачем ему ее убивать? Она же ему ничего плохого не сделала...Пару минут длилось это молчание. Марина Дмитриевна успела даже язвительно улыбнуться. О да! Кажется, я знаю.

—Это...совпадение.

—Совпадение?!

—Да. Это просто совпадение, грустное стечение обстоятельств. Раскольников же не владел собой, был невменяем, растерян и напуган. Если бы сестра не зашла в комнату, ничего бы с ней не произошло.

—Ладно, Смольников, садись, — сказала Марина Дмитриевна и что-то начеркала в своем блокноте.

Да... Кажется, эта старуха осталась довольна моим ответом. Однако я был немного раздражен, ведь она совершенно меня сбила! Я был далеко не на уроке литературы и далеко не в школе. Вот уже два дня моя голова была забита иными мыслями. Я много анализировал, размышляя о том, что недавно узнал...

Сегодня вечером мама была не похожа на себя: она пришла поздно с работы и была очень взволнована.

— Что-то случилось, мам?

— Что?... а нет, ничего страшного.

Но по лицу было видно, что явно что-то случилось. И неудивительно. Ведь мои родители были врачами, а медицина — вещь серьезная. Всякое может случиться. Хотя я никогда и не задумывался над этим. Но почему-то сегодня их разговор очень заинтересовал меня...

— Во время процедуры было задето легкое.

— Прокол в бронхе во время обычной бронхоскопии? — удивленно переспросил отец.

— Да... Вот это и странно.

Далее последовал долгий, но очень интересный разговор...

Мамин коллега хирург Сомов, по ее словам, замечательный опытный хирург, знающий свое дело, проводил бронхоскопию. У пациентки был ожог руки, во время осмотра она вдруг начала задыхаться (показатели были в норме). Все это было очень странно. ЭКГ подтвердило, что не было сердечного приступа. Но на снимке было видно серьезное воспаление легких.

— Это очень странно... — не выдержал я.

— Да. Весь этот случай очень странный...

— Я про пожар на плите.

— Но он все объясняет, — сказал отец, — ожоги, дым...

— Пациентка забыла, что плита горячая. Но как можно забыть, если она горела? — Да... ты прав, Леша, — заинтересованно посмотрела на меня мама.

— А что было дальше?

Было решено провести бронхоскопию, чтобы оценить серьезность повреждения и назначить лечение. Чтобы получше разобраться с проблемой, хирург Сомов решил сделать биопсию слизистой. Но неожиданно бронхоскоп повредил бронхиальную стенку и началось кровотечение. Пришлось быстро зашивать прокол, чтобы не попали бактерии и не развилась инфекция.

— Все уверены, что виноват Сомов. Накануне он расстался с невестой, а прокол в бронхе только подтверждает, что он был очень подавлен и расстроен и запросто мог совершить ошибку по собственной невнимательности. Но Сомов все отрицает! По его словам, он не был расстроен во время процедуры, даже если его бросила любимая женщина, он не мог подвергнуть кого-то риску. Он был в полном порядке. Он совершал ошибки в жизни, но не сейчас. И он не виноват в проколе бронха. Это его слова...

...Так что же это? Совпадение или намеренное убийство Лизы?.. Грустное стечение обстоятельств или врачебная ошибка? О...я немного запутался. Но если, как говорит мама, прокол был сделан во время обычной бронхоскопии (что очень странно, но все же), то, значит, это не незнание, а просто безответственность. Если этому врачу действительно было тяжело после расставания, зачем же он стал проводить бронхоскопию, ставя под угрозу пациентку? Его бросила девушка, он сильно переживал, ни о чем другом не думал. Врач мог подвергнуть кого-то риску. Так и произошло. Не надо быть так уверенным в том, что ты справишься с ситуацией!

Тут неожиданно прозвенел звонок. Я вздрогнул. Это было последнее занятие. Одноклассники зашумели, начали собираться. Молчаливый, напряженный урок литературы сменился бурным обсуждением домашки, встречи после школы и т.п.

— Леша, ты с нами? Встречаемся возле моего дома.

— Да. Хорошо,— опомнился я и тоже начал собирать портфель.

Вскоре класс совсем опустел.

В тот вечер я впервые задумался над вопросами этики. Этика...Что это вообще такое? Раньше я никогда не задумывался над этим. Но случай с проколом меня так заинтересовал, что я решил разобраться...Я знал, что у отца на полке лежала старая, еще с его студенческих лет, потрепанная книжка с названием типа “Этика”, “Основы” или что-то в этом роде. Ах да! Вот она — “Основы биоэтики”. Я перевернул пару страниц.

...“Этические принципы и нормы...” принцип предосторожности. Принцип предосторожности основывается на требовании “Не навреди” и чувстве ответственности тех, кто принимает решения, делает прогнозы и осуществляет медицинскую деятельность...” хм...”он обусловлен высокой степенью риска...” Так...”чтобы избежать или уменьшить морально неприемлемый ущерб...” Все это было очень интересно, но я хотел чего-то иного. И вот, кажется, нашел — 2.4.4. “Право на риск и ошибку...”

— Леш, а ты изменился...

— Правда?!

— Да..не знаю, что именно поменялось, но ты стал каким-то задумчивым, более серьезным что ли.

— А..ну это да. Возможно. Сам удивляюсь. Послушай, Никита..

— Чего?

— Как думаешь: имеет ли врач право на ошибку?

— Ну..если сложный случай, то, думаю, да. Не все же можно предугадать.

— Ну это да, — согласился я с ним, — но если это не сложнейшая операция, а какая-нибудь бронхоскопия, например, а у врач не в духе, у него плохое настроение, то как быть?

— В каком бы настроении ни был врач, он должен держать все под контролем, как я считаю, и, если он дал себе слабину, был рассеянным, он виноват. Из-за него может кто-нибудь пострадать даже во время какого-нибудь обследования. Если он понимает, что не в состоянии, пусть тогда уже ничего не делает. Попросит другого врача, возьмет выходной.

— Ну знаешь, ну тут человек просто расстроен. Человек не всегда может держать все под контролем. Я вспомнил тот страшный случай. Когда хирург был пьян во время операции и покалечил пациента! Но, так как он был единственным опытным хирургом, компетентным специалистом, его оставили, а дело замяли.

— Не...ну это вообще беспредел!

— Что поделать...такое было. И человек был действительно не в состоянии, видимо, это был случай невменяемости, и он пошел делать операцию.

— Почему же его никто не остановил?

— Да а кто там мог его остановить! Молоденькая медсестра что ли. Это было в ночную смену. Никого толком и не было. И как же в этом случае держать ситуацию под контролем?...Никак! Просто нельзя таких людей допускать вообще до медицины!

— А я тебе, Леша, расскажу, что было у нас в городе. Человеку стало плохо, заболело сердце. У него были проблемы с сердечно-сосудистой системой.

Пришел на скорую, его посмотрели, ничего толком не сказали и отправили на прием. Это было утром. Врач отправил его на кардиограмму только часов в двенадцать, потому что пациент просидел в очереди. Чтоб попасть на кардиограмму, пациенту пришлось опять же просидеть в очереди. И как ты думаешь, что же произошло с ним?

Я весь замер в ожидании.

— А люди на обед пошли, понимаешь?! Как раз, когда подошла его очередь. Не могли принять человека. А...ну да, конечно, ведь покушать прежде всего! Они просто эгоисты и думали только о себе. А пациенту стало еще хуже..

— И что же с ним стало? Эта история хорошо закончилась? — с надеждой посмотрел я на Никиту, однако его ответ меня очень расстроил:

— К сожалению, он умер. Просто умер. В больнице. На скамейке. В ожидании. — Мда...

— Вот это что называется халатностью и безответственностью врачей!

— Это точно. Но почему же так происходит? Почему люди такие безответственные?

— Не знаю...видимо, не все люди идеальны. И не все готовы пожертвовать собой ради спасения жизни пациента.

— Да уж. В данном случае не могут пожертвовать своим брюхом.

— Выходит, да, — улыбнулся Никита. — Как бы это забавно или грубо не звучало. Это так. И как ты говоришь, таких людей нельзя допускать до медицины! Грустно осознавать, но сейчас многие врачи именно такие. Эгоисты. Думающие только о себе, о зарплате...Пришел, отработал и ушел. А иногда и безответственно поработал и кому-то навредил. Не...ну конечно, не все такие. Вот твои родители, например. Они же очень хорошие врачи.

— Да...это да, — немного смущенно согласился я, — если бы не они, постоянно обсуждающие по вечерам какие-то важные медицинские вопросы, я бы, наверное, уже разочаровался в медицине.

Никита глубоко вздохнул.

— А почему ты вообще заговорил об этом?

Я попытался вкратце рассказать Никите про случай с бронхоскопом.

— И он утверждает, что не был рассеян и все держал под контролем?

— Да.

— Врет он все! Не может человек спокойно пережить расставание с любимой девушкой, тем более, если это произошло вчера. И тем более, если с невестой. Это же такая травма...

— Я тоже так думаю.

— А если все-таки он прав, этот врач действительно сильный человек.

— И не так все просто с самой пациенткой.

Эти слова очень заинтересовали моего друга. Далее пошли подробности моего рассказа.

— Эй..да это действительно интересный случай! Расскажешь, чем закончился? — Ок, расскажу.

— Живот болит из-за метанола.

— Она пила метиловый спирт? Она не могла его пить.

— Метанол можно объяснить по-другому.

Родители посмотрели на меня с интересом.

— Ну..в общем, я тут немного покопался в литературе. Если тело подвергается действию определенных едких веществ, его выделяет печень. При вдыхании вещества могут повредить легкие, а еще они обжигают. Это объясняет все симптомы.

— Да ты, Леша, у нас гений. Может, тоже в медицину пойдешь?

— Я не думал об этом.

— Так...теперь только нужно найти список этих самых веществ.

— Я нашел!— довольный сказал я. —Диметил сульфат используется в фармацевтике.

— Но она учительница.

— Еще используется в очистке воды, промышленных пестицидах и...в химическом оружии. Она может быть и учительницей, и террористкой.

— Нет, сынок, ты, конечно, молодец, но это уже перебор, — улыбнулся отец, —твоя фантазия зашла слишком далеко...

— Но она же мусульманка! — возразил я.

— Не все мусульмане — террористы, Леша.

На этом наш разговор закончился. Но моя версия мне больше нравилась. Эта история была уже похожа на какой-то боевик. Осталось только поубивать врачей еще в конце. Может, мне книгу написать?...А ладно, что-то я действительно загнул. Довольно фантазий.

Уже была глубокая ночь, нужно было идти спать, но мне совсем не хотелось.

Эта пациентка...Она отказывается от начального лечения, т.е. от этанола. Мусульмане не могут его употреблять. Но ведь в ее организме алкоголь. А она не разрешает лечить ее алкоголем. Она точно что-то скрывает.

Хотя мы вроде бы и расстались с Никитой на веселой ноте, все-таки этот серьезный разговор о медицине, о врачах, об их безответственности оставил не самый лучший отпечаток...

— Сегодня у пациентки был сердечный приступ. На этот раз настоящий...

— Но как у здоровой 28-летней девушки может быть сердечный приступ? Такое бывает? — спросил я.

— Все бывает, Леша. Кстати, теперь все стало ясно с хирургом.

— Правда? — удивленно переспросил я.

— Да, — улыбнулась мама, — он действительно не виноват в проколе. Мы столкнулись с очень интересным случаем. У нее ожог сердца.

— Ожог?

— От ядовитого вещества, про которое ты нам читал. Он идет через весь организм. И, в отличие от термических ожогов, химический со временем ухудшается. Это и объясняет прокол в бронхе. Ведь едкие химикаты утоньшают их стенки.

— Значит, хирург не ошибся!

— Нет. Не ошибся. Он действовал, как всегда, правильно.

— Да...

— Знаешь, Леша, ведь мы очень сильно рисковали.

Я с нетерпением ждал пояснения.

— Ведь это было не единственное объяснение. Причина могла быть в инфекции, занесенной бактериями в результате прокола. И перед нами стоял выбор — противоположные лечения: антибиотики от инфекции или стероиды от воспаления. Если дать ей стероиды вместо антибиотиков, они подавят иммунную систему, но инфекция распространится и убьет пациентку. А если дать ей антибиотики вместо стероидов, тогда...сам понимаешь. Поэтому был огромный риск. Нельзя было ошибиться.

— Врачебный риск, да? Необходимость принятия решения и осознанного ответственного выбора в...экстремальных ситуациях...Я читал об этом.

— Откуда такие познания?! Видишь, Леша. Ты понимаешь, о чем я.

— Вы сделали правильный выбор?

— Мы перевели ее на стероиды. Помогло. Сомов не виноват в проколе.

— Но что с пациенткой? Кто она все-таки?

— Конечно же, она не террористка. Нужно было рассмотреть вариант с химическими веществами, а именно, с лекарствами. Ее брат работает в фармацевтической компании, диметилсульфат они используют для одного из лекарств.

— Ну зачем же она врала? Сразу нам не рассказала?

— Потому что он украл его для сестры, чтобы та делала духи.

— Духи???

— Да. Вот такая вот настоящая правда...

Да...Вот такая вот правда. И как же хорошо, что хирург сделал прокол не по своей рассеянности и невнимательности. Не по своей безответственности, которая, к сожалению, свойственна многим медицинским работникам. Эта история позволила проверить человека на силу, самообладание, столкнула с тяжелым выбором, от которого зависела жизнь пациентки. У этого хирурга

Сомова непростой период. Однако он доказал свой профессионализм, выдержку, возможно, его девушка тоже переживет, но хорошо, что он справляется лучше нее. Одно дело — отвлекаться на неприятные мысли при подготовке контрактов и совсем другое при его работе...

Как часто мы сталкиваемся с безответственностью и халатностью врачей. Да и все мы безответственны бываем. Но в медицине не может быть места этому, ведь ошибка в документе или поздняя сдача проекта не влечет за собой такие страшные последствия, как неправильно проведенная операция или неоказание первой помощи только потому, что у вас закончился рабочий день или вы спешите на обед...